

© 2019 г.

Академик А. Б. ДАВИДСОН

ТЯЖКИЙ ПУТЬ К ОТТЕПЕЛИ. Глазами ленинградского студента

Давидсон Аполлон Борисович — действительный член РАН, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Московского государственного университета (Москва, Россия).

DOI: 10.31857/S013038640004255-8

Конец сороковых неведом людям,
как, скажем, век девятый и восьмой,
как, скажем, век одиннадцатый. Будем
описывать тот странный, непростой
конец сороковых — сорок девятый,
сорок седьмой, сорок восьмой.

Борис Слуцкий

У нас принято отмечать даты побед, достижений, успехов. Это, конечно, справедливо. И все же нельзя не согласиться со словами Роберта Рождественского: «Долгое время мы говорили о своей стране, как принято говорить о покойнике: только хорошее»¹.

Что греха таить, — приходится признать, что в воздухе сейчас пахнет новой гонкой вооружений, новой «холодной войной» (дай-то Бог — не горячей). Не стоит ли снова вспомнить, что подобная ситуация уже бывала и как ее удавалось хоть как-то смягчить? Не доводить до катастрофы.

Даты ужасных трагедий в нашей истории — как мы их помним? Вот недавно, в 2017 г., было 80-летие ужасного 1937-го, Большого террора. Нельзя сказать, что этот «юбилей» прошел совсем уж незамеченным. И все же внимания ему уделялось меньше, чем следовало. А ведь такие даты истории обязательно надо помнить, чтобы связанные с ними ужасы, не дай Бог, не повторялись.

В нынешнем году исполняется 70 лет трагедиям 1949 г. Пусть тогда и не было таких массовых расстрелов, как в 1937-м. Но было массированное наступление на интеллигенцию, на культуру, науку, на подлинное взаимопонимание с народами других стран. Делалось это под флагом борьбы с «космополитизмом» и «низкопоклонством перед Западом».

«То, что произошло тогда, принадлежит к позорнейшим страницам советской истории (а в ней и без того довольно позора!). “Антикосмополитические” кампании на рубеже 1940—1950-х годов обернулись воистину национальной — одной из многих! — трагедией, последствия которой до сих пор не вполне осознаны ни в России, ни тем более за ее пределами»².

Это мнение известных филологов К. Азадовского и Б. Егорова. Они писали, что в советское (послесталинское) время о тех событиях «упорно молчали. Не потому, что забыли. А потому, что боялись. Или стыдились».

¹ Рождественский Р. Поздние записи. — Новая газета, 21—24.06.2007.

² Азадовский К., Егоров Б. Космополиты. — Новое литературное обозрение, № 36, 1999.

И что даже в середине 1980-х участники и свидетели, те, кто еще были живы, «знали и помнили, но не могли или не хотели сказать»³.

С тех пор прошло 20–30 лет. О тех событиях опубликованы воспоминания⁴. Но их мало. Есть исследования, но в научных малотиражных изданиях⁵. Прекрасно документированный труд П. А. Дружинина — всего 1 тыс. экземпляров⁶.

Уроки событий рубежа 1940–1950-х чрезвычайно важны в нашей сегодняшней жизни, а значит их надо тщательно изучать и говорить о них куда больше, чем это делается сейчас.

П. А. Дружинин прислал мне свой труд с надписью: «Свидетелю тех событий». Что ж, увы, свидетелей остается все меньше. Я — один из них. Хочу поделиться тем, что помню — тогдашними впечатлениями, наблюдениями.

Мне тогда шел 21-й год. Я был студентом исторического факультета Ленинградского университета. Ленинград, город старой петербургской интеллигенции, пострадал тогда особенно. Для Сталина он был опальным городом. А Ленинградский университет — средоточие этой интеллигенции — как же ему досталось!

* * *

28 января 1949 г. в газете «Правда» вышла статья «Об одной антипатриотической группе театральных критиков».

Могло ли тем, кто в тот день прочитал ее, прийти в голову, что с нее начнется бешеная идеологическая кампания? Как мне помнится, такого, пожалуй, не было. Уже очень много на наши головы сваливалось таких статей и, куда серьезнее, идеологических постановлений с самого «верха». В августе 1946-го — постановление сталинского руководства «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» с разгромом творчества Ахматовой, Зощенко и многих других лучших представителей отечественной литературы. Следом же, в сентябре, — разгром фильма «Иван Грозный» за «искажение» русской истории. В феврале 1948-го — постановление «Об упаднических явлениях в советской музыке». В том же году — постановления «Об опере “Великая дружба” В. И. Мурадели», «О журналах “Крокодил” и “Огонёк”».

Постановления 1946–1948 гг. старшеклассников обязывали учить. Особенно — речь Жданова о литературе. Из нее мы узнавали об Ахматовой: «До убожества ограничен диапозон ее поэзии, — поэзии взбесившейся барыньки, мечущейся между будуаром и моленной молельней... Не то монахиня, не то блудница, а вернее, блудница и монахиня, у которой блуд смешан с молитвой»⁷.

В августе 1948-го — разгром генетики, его инициатор Т. Д. Лысенко.

Ученый совет Пушкинского дома в октябре 1948 г. принял решение, что «доклад Лысенко “О положении в биологической науке” одобренный в ЦК ВКП(б)»

³ Там же.

⁴ Например: *Фрейдберг О. М.* Осада человека. — Минувшее: исторический альманах, вып. 3. Paris, 1987; *Евнина Е.* Из книги воспоминаний: во времена послевоенной идеологической бойни. — Вопросы литературы, вып. IV. М., 1995.

⁵ *Фатеев А. В.* Образ врага в советской пропаганде, 1945–1954. М., 1999; *Ваксер А. З.* Ленинград послевоенный. 1945–1982 годы. СПб., 2005; Государственный антисемитизм в СССР: от начала до кульминации, 1938–1953. М., 2005; *Ганелин Р. Ш.* Ученые-гуманитарии — жертвы борьбы с космополитизмом. — Санкт-Петербургский университет в XVIII–XX вв.: европейские традиции и российский контекст. Материалы Международной научной конференции 23–25 июня 2009 г. СПб., 2009; *его же.* О борьбе с космополитами в общественных науках в конце 1940-х — начале 1950-х годов. — Уроки истории — уроки историка. СПб., 2012.

⁶ *Дружинин П. А.* Идеология и филология. Ленинград, 1940-е годы. Документальное исследование, т. 1–2. М., 2012.

⁷ Доклад А. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград». — Правда, 26.IX.1946.

и сопутствующие ему документы «являются исторической вехой на пути не только биологии, но и всех отраслей советской науки»⁸.

Пушкинский дом — один из самых уважаемых в Ленинграде, да и во всей нашей стране, центров изучения нашего культурного наследия. Неужели всем членам его Ученого совета хотелось подписаться под этой ужасной резолюцией? Конечно, нет. Но они боялись — к этому у них были основания, — что отказ от такой резолюции приведет к катастрофическим последствиям не только для них, но и для всего Пушкинского дома.

К тому же в Пушкинском доме нашлись сотрудники, готовые бежать впереди паровоза, — всемерно оправдывать действия, подобные лысенковским.

И ведь В. В. Мавродин, когда он был деканом истфака, занял ту же позицию, как до этого и Ученый совет Пушкинского дома.

Придя первокурсником на истфак Ленинградского университета, я увидел объявление: состоится заседание Ученого совета с докладом декана В. В. Мавродина «Задачи исторической науки в свете итогов сессии ВАСХНИЛ». Лысенковский разгром генетики на сессии сельскохозяйственной академии прошел только что, в августе 1948-го, когда мы сдавали экзамены, и вот уже в начале сентября историкам велели следовать примеру лысенковцев.

Люди старшего поколения, с кем я общался, говорили об этом с ужасом. Переживали за генетиков и боялись за свое будущее.

Уверен, что Владимиру Васильевичу Мавродину делать доклад было совсем не по душе. В этом я скоро убедился. Мы слушали его лекции о древней и средневековой Руси. Они были очень бравурными: «Под звон мечей и пенье стрел Россия выходила на мировую арену». Как-то, встретив его в коридоре, я спросил: «Зачем Вы так?». Осмелился я на такую дерзость потому, что он очень хорошо ко мне относился. Помнил, как я еще школьником ходил на его лекции во Дворце пионеров.

Он засмеялся: «Дорогой друг, история может быть в двух видах: как наука и как патристический жанр. Вот и делайте вывод».

Сказал он как бы в шутку. Но за такую шутку можно было ой как поплатиться.

За свое подлинное настроение он и поплатился: в феврале-марте 1949-го партбилетом и увольнением из Ленинградского университета.

...Все это происходило на фоне начинавшейся «холодной войны».

Еще в июле 1945-го на Потсдамской конференции Сталин обсуждал судьбы мира с Черчиллем и Трумэнem и фотографировался вместе с ними. А меньше чем через год, 14 марта 1945-го, в газете «Правда» он назвал речь Черчилля в Фултоне «призывом к войне с СССР».

Так что уже самые первые послевоенные годы были пропитаны неприязнью к Западу.

Да что там говорить! А во время войны, в годы военного сотрудничества — разве и тогда не было антизападничества?

С 1943 или начала 1944 г. на школьных вечерах в Москве (должно быть, и в других городах) было запрещено танцевать западные танцы: танго, фокстрот, вальс-бостон. Вместо них ввели па-деспань, па-де-патинер, па-де-катр. Это ведь тоже западные танцы, но давних времен. Их когда-то танцевали на дворянских балах в соответствующих одеждах. А зачем это было нам? Да и в послевоенные годы на студенческих и школьных вечерах танцевать западные танцы официально, может быть, не запрещалось, но не рекомендовалось.

...Мы тогда не знали ставшего потом известным письма Ленина Горькому, где сказано, что интеллигенция считает себя мозгом нации, а она — говно. Не знали и речи Сталина 17 марта 1938-го: «За то, чтобы мы, советские люди, не пресмыкались перед западниками, перед французами, перед англичанами и не заискивали перед ними! За то, чтобы мы, советские люди, усвоили, наконец, новую меру ценности людей, чтобы

⁸ Дружинин П. А. Указ. соч., т. 2, с. 161.

людей ценили не на рубли и не на доллары! Что такое доллар? Чепуха! За то, чтобы мы научились как советские люди ценить людей по их подвигам! А что такое подвиг, чего он стоит? Никакой американец, никакой француз, никакой англичанин этого вам не скажет, потому что у него есть одна оценка — доллар, стерлинг, франк. Только мы, советские люди, поняли, что талант, мужество человека — это миллиарды миллиардов презренных долларов, презренных стерлингов, презренных франков»⁹.

Слов этих высокомерных не знали, но по разговорам родителей все же могли понимать, как относится советская власть и к интеллигенции, и к Западу.

* * *

И все же нам, студентам, не приходило в голову, что с той новой статьи сразу начнется бешеная разгромная кампания 1949 г.

Как же мы это почувствовали? Газеты запестрели словами «космополитизм» и «низкопоклонство перед Западом». Знали, что преподавателей в нашем университете «разоблачают», увольняют, лишают партбилетов.

Скоро мы ощутили все это и на себе. И нас, студентов, тоже стали «разоблачать», заставляя «каяться», грозить исключением и даже арестовывать. Но не сразу.

А с чего началось? Уже упомянутого мной декана исторического факультета Мавродина, который был на этой должности давно, исключили из партии и уволили. За что? Этого нам не сказали. Жили мы, как всегда, слухами. Был слух, что Мавродина вызывали в Москву в Комиссию партийного контроля и предъявили ему кучу обвинений. В том числе — якобы в «либерализме» по отношению к студентам.

Деканом сделали Николая Арсеньевича Корнатовского — прежде он заведовал кафедрой основ марксизма-ленинизма. Получив новую должность, он собрал всех студентов в самом большом зале — лектории. Разговор пошел совсем не такой, как при Мавродине. Корнатовский объяснил нам, каким должен быть студент-историк. И что мы под эти требования пока что не очень подходим:

— Вы ведь историки, будете учителями, духовными наставниками нашего народа, борцами идеологического фронта. А можем ли мы вам это доверить? Знаете ли вы жизнь наших рабочих, колхозников? Работали на заводах, в колхозах? — Он добавил даже, — Бывали ли на подводных лодках?

Многие из нас, конечно, бывали в колхозах в годы эвакуации. Кто-то трудился и на заводах. А из демобилизованных фронтовиков — их на истфаке было немало — кто-то, наверно, ходил и на подводных лодках.

Но декан говорил с вызовом:

— Ну и последнее. Недавно были выборы в Верховный совет. Советский народ снова продемонстрировал верность блоку партии с беспартийными. Но нашлись и такие, кто голосовал «против». Вы думаете тут, среди нас, таких нет? — А закончил словами, — мы вас пока что мало знаем. Но узнаем.

Потом прочитал посланные ему записки с вопросами. Первая звучала так: «Будет ли считаться космополитизмом недостаток внимания к национальным традициям чужого (не русского) народа?».

Чтобы вникнуть в смысл записки, он прочитал ее два раза.

— Автор записки, конечно, не подразумевал Соединенные Штаты и Англию? В таком случае — конечно, да. Неужели вы думаете, что мы позволим вам не считаться с великими революционными традициями французского народа, оплевывать его коммунистическую партию?

Получалось, что с традициями английского и американского народов можно не считаться.

Тогда подали ему еще одну записку. В отличие от первой, эта была короткая: «Прекратите пороть чепуху».

⁹ Сталин И. В. Сочинения, т. 18. Тверь, 2006, с. 153.

Корнатовский прочитал ее вслух. Очень спокойно. Он был уверен в своем положении: поговаривали, что его назначат ректором.

Но секретарь факультетского партбюро, Николай Яковлевич Иванов, всполошился. Ведь за такие записки мог поплатиться и он: решат, что партбюро плохо ведет идеологическую работу. Он вскочил:

— Кто писал записку?

Все притихли. Гробовая тишина.

— Ну, что ж, разберемся. Сидите по местам. Проследим, как шла записка по рядам, и найдем этого негодяя.

След привел наверх. Зал лектория — амфитеатр, и на самом верху, на галерке — просто стоящие кое-как стулья. Тут след потерялся.

Иванов нашелся:

— Хорошо, будем сличать почерк.

Тогда встал Миша Чигринский, студент третьего курса кафедры истории международных отношений, той, где учился и я:

— Не надо сличать почерки. Записку писал я.

Иванов приказал ему спуститься вниз и встать лицом к нам. Как подсудимому.

И начался следующий акт действия. На кафедру вышел пятикурсник и потребовал исключить Мишу из комсомола. Немедленно! Сейчас же! Перегнувшись через кафедру, он вопил: «Я не могу дышать одним воздухом с этим человеком!».

Пятикурсник, разумеется, думал о своем будущем — ему скоро предстояло получить распределение на работу. Надо было выслужиться. (Потом его действительно распределили на очень престижное место).

Его примеру последовали еще двое пятикурсников. Клеймили Чигринского, стараясь превзойти друг друга.

Но это было только начало. Я впервые увидел там эффект потерявшей рассудок толпы. С мест кричали: «Выгнать его! Прямо сейчас! Что тут думать!».

Рядом со мной сидела девушка из моей группы. Ей не было и 18 лет. Она тоже кричала. Через несколько дней я завел с ней разговор об этом собрании, но оказалось, что она ничего не помнила.

...На том собрании еще не звучало бесконечное повторение слова «космополиты». Но уже чувствовалось то, что вскоре назвали «духом 1949 года». Понимание пришло скоро даже к тем, кто подпал тогда под влияние нового факультетского начальства: мы студенты, пусть и не все, увидели, что расправа может коснуться не только преподавателей, а и нас.

Среди же преподавателей досталось даже Н. А. Корнатовскому, хотя у нас на факультете он был одним из главных организаторов кампании борьбы против «космополитизма» и «низкопоклонства перед Западом».

Он тогда, кажется, ничего не публиковал. В те времена из уст в уста переходили образчики тогдашней мудрости: «Напиши три строчки, и я найду, как объявить тебя врагом народа». «Кто ничего не пишет, тот навсегда останется мичуринцем» (Лысенко, истребляя генетиков, превозносил Мичурина). И еще: «Не думай; если подумал — не рассказывай; рассказал — не записывай; записал — не публикуй; опубликовал — кайся».

Корнатовский, думаю, не знал этой премудрости, но интуиция ему подсказывала, что публиковаться не время. Однако в его старых статьях кто-то нашел раскавыченную цитату Троцкого. Скорее всего, это была не какая-то оригинальная мысль Троцкого, а расхожий партийный лозунг. Но достаточно того, что его произносил и Троцкий. Корнатовского посадили за «троцкизм-контрабандизм».

* * *

У меня каким-то чудом сохранился номер газеты «Ленинградский университет» от 20 апреля 1949 г. с отчетами о партсобраниях на факультетах университета.

На физфаке: «Отвергая гнусную идеалистическую фальсификацию физической науки со стороны таких “столпов” буржуазной науки, как Бор, Эйнштейн, Шредингер, Эддингтон, Джингс и прочие дипломированные лакеи буржуазии...».

На истфаке: «Серьезные ошибки космополитического и буржуазно-объективистского характера в работах и лекциях профессоров С. Я. Лурье, О. Л. Вайнштейна, С. Б. Окуня, С. Н. Валка, А. В. Предтеченского, Б. А. Романова». Это были лучшие профессора нашего факультета.

Не забыли и студентов — маленькую группу первого курса, в которой учился и я. «Студенты Ю. Баранов и Ю. Соловьев, раболепствуя перед всем иностранным, охаивают замечательные произведения советского киноискусства». От нашей группы требовали обсудить поведение восемнадцатилетнего Юры Баранова. Обсуждать в сущности было нечего: политикой он не интересовался. Винили его в том, что он любил запрещенный тогда джаз и журнал «Америка», отнюдь не запрещенный. На собрание группы пришел парторг курса и до его начала задавал Баранову вопросы. Помнится, был и такой: «А что ты думаешь об американской демократии?». Ответа я не помню. Наверно, Баранов об этом не думал.

На нашем собрании мы его не осудили — не за что было. Но сдавать весеннюю экзаменационную сессию он не явился. Староста пошла к нему домой, чтобы узнать в чем дело. Ей ответили: «Арестован». По факультету шептались, что ему дали 10 лет. Больше я никогда его не видел. Юре Соловьеву повезло. Очевидно, разверстка на число арестов на факультете была выполнена, и от него отстали.

Повседневная университетская действительность резко менялась.

В феврале или в марте (точно не помню) студентов и преподавателей собрали в большом лектории. Преподаватели — в первых рядах. Цель собрания — каждый преподаватель, поднявшись на кафедру, на наших глазах должен повиниться в своих ошибках, неверных взглядах. Кто-то клеймил своих коллег.

Вынужден был выступить и академик Василий Васильевич Струве, очень известный историк, уже пожилой. Говорил он примерно так: «Я ведь как ученый сложился еще до Великой Октябрьской революции. Мне, конечно, надо во многом учиться у моих аспирантов».

Вел собрание тот же Корнатовский. В заключительном слове подчеркнул: «Ваши преподаватели сейчас каются. Посмотрим, искренни они были или нет».

Не обошлось и без курьезов. Один из ораторов (не буду называть его имени) потрясал только что изданной книгой профессора Л. И. Зубока «Империалистическая политика США в странах Карибского бассейна, 1900—1939» и кричал: «Тут же на каждой странице цитаты буржуазных авторов. Конечно, разоблачать их надо. Но зачем же цитировать? Ведь цитируя, мы их пропагандируем». И стал приводить, одну за другой эти самые цитаты.

В зале стал нарастать смех...

* * *

В университете шли преследования, увольнения, причем лучших, наиболее достойных. У академика Евгения Викторовича Тарле вся жизнь была связана с этим университетом. Но его довели до того, что весной 1949-го он подал заявление об уходе.

Профессор Николай Павлович Полетика, заведующий кафедрой истории международных отношений, на которой учился и я, понял, что ему несдобровать, ведь он был известного дворянского рода, беспартийный, никогда не клялся в верности сталинизму! Когда услышал от своих аспирантов, «мы тут от партбюро проверяем работу кафедры», понял, что пора уходить.

Полетика, историк дипломатии, проявил себя как дипломат. Встретил в Москве в Министерстве высшего образования нового, только что назначенного ректора Ленинградского университета и уговорил его подписать свое заявление о переходе на работу в Ташкент. Уехал. А руководство истфака сокрушалось: «Упустили Полетику!».

На соседнем (в том же коридоре) политэкономическом факультете в момент моего поступления в университет работали восемь профессоров, когда же я кончал первый курс — только один.

А вообще в университете? Ведь готовилась ликвидация всего руководства Ленинграда. Среди них и Вознесенский, который был ректором университета, а затем министром. Потом их всех расстреляли.

А ликвидация Еврейского антифашистского комитета? В 1949-м его уничтожили, а потом расстреляли все руководство. Это дало дополнительный предлог для расправы с ленинградскими преподавателями-евреями на фоне и без того усилившегося антисемитизма.

Узнаем ли мы когда-нибудь, сколько людей в сферах науки и культуры были репрессированы в 1949 г.? Уволены, исключены из партии, арестованы, отправлены в ГУЛАГ, лишены жизни?

Есть данные, представленные Сталину министром госбезопасности В. С. Абакумовым 14 января 1950 г. о числе арестованных в Ленинграде в 1949 г. В документе речь не идет обо всех репрессированных — их, конечно, было неизмеримо больше:

«Докладываю, что в результате чекистских мероприятий, проведенных Управлением МГБ по Ленинградской области в течение 1949 года в гор. Ленинграде и области всего арестовано 1145 человек.

В числе арестованных:

агентов иностранных разведок — 164;

троцкистов, зиновьевцев, правых, эсеров, меньшевиков и анархистов — 279;

участников антисоветских организаций и групп — 194;

других лиц, проводивших вражескую деятельность,— 508»¹⁰.

Так кто же арестованные? Троцкисты, зиновьевцы, правые, эсеры, меньшевики, анархисты... Правдоподобно это? В 1949 г.?

Лагери для этих людей создавались заранее. Уже в 1948 г. Совет министров СССР принял постановление «об организации особых лагерей в районе Колымы, Караган-ды, Братска, Инты, Норильска, Темникова (Мордовская АССР) и тюрем МВД со строгим режимом во Владимире, Александровске Пермской области и Верхнеуральске для содержания лиц, представляющих опасность своими антисоветскими связями и вражеской деятельностью».

Мы не знали множество других решений, которые не предназначались для огласки. Но главное — расправы с интеллигенцией — мы видели. Те, кто как я, пережили ленинградскую блокаду, уже привыкли видеть глубинный посыл нараставших политических перемен.

До нас доходили только слухи о «Ленинградском деле» — о том, как в 1949–1950-м арестовывали и расстреливали партийных и комсомольских руководителей Ленинграда. Не знали, что секретарь ЦК комсомола ленинградец Всеволод Николаевич Иванов был 4 ноября 1949 г. арестован, а в октябре 1950 г. расстрелян. И что его жену, Ольгу Николаевну Иванову, как жену «врага народа» арестовали, осудили на восемь лет с конфискацией имущества. Сколько было таких ужасных судеб!

И как страшно читать ее воспоминания! Не только из-за мучений в лагерях, страшнее об отношении к ее судьбе со стороны тех, кого она считала своими близкими.

«Особенно трудно мне вспоминать об отношении к Всеволоду его близких, казалось бы, товарищей по работе. Ведь мы жили в одном доме с тогдашними секретарями ЦК ВЛКСМ А. Н. Шелепиным и Н. Н. Романовым, редактором “Комсомольской правды” Б. С. Бурковым, первым секретарем ЦК комсомола Н. А. Михайловым... В те тяжкие для Всеволода два месяца, с 31 августа по 4 ноября [1949 г.], ни один из них к нам не зашел, не позвонил. Когда случайно встречали на улице меня или мою

¹⁰ Спецсообщение В. С. Абакумова И. В. Сталину об арестах в гор. Ленинграде и Ленинградской области. — Лубянка: Сталин и МГБ СССР, март 1946 — март 1953. М., 2007, с. 303.

племянницу Алю, то суетливо переходили на другую сторону... Ну, а после моего возвращения из лагеря никто из них не считал для себя возможным хотя бы позвонить мне, сказать доброе слово»¹¹.

Такое отношение к репрессированным мы, студенты, видели часто. Но видели и сочувствие, симпатию, желание как-то помочь.

* * *

Прошло 70 лет. От той кампании «космополитизма» и «низкопоклонства перед Западом» остались имена репрессированных. Остались статьи. Особенно мерзкие в партийной газете «Культура и жизнь». Ее считали созданной для разгромов, называли «братской могилой» и «александровским централом» (ее главным редактором был Г. Ф. Александров, член ЦК партии).

Остались издевательские насмешки над интеллигенцией и культурой. Вот книжечка из юмористической «библиотеки Крокодила», изданная в 1950 г. тиражом в 100 тыс. экземпляров с эпиграммами Сергея Васильева. Об ученом: «Мастит, учен и сед». Но —

Он вреден нам, предатель с видом Ноя,
Не помнящий отчизны и родства.

Если кто-то не понял, что речь идет об интеллигентах, то еще яснее в эпиграмме «Теоретик тонких наук».

Он тихий теоретик, так сказать,
Но он творит, все более хамя:
Всего Тургенева он может променять
На заграничный чих Хемингуэя.

Ну а дальше уже переход на личности — о Пастернаке:

Что вместо мыслей у меня —
Канатчикова дача.

«Безродными космополитами» чаще именовали евреев, как Пастернака. Отсюда и присказка 1949-го: «Чтобы не прослыть антисемитом, зови жида космополитом». Так что 1949-й пролагал путь кампании о «врачах-убийцах», зачастую евреях, которая началась со статьи в «Правде» 13 января 1953 г.

Зачем Сталин затеял все это? Ну, о терроре 1937–1938-го иногда говорят, что Сталин устроил его из страха перед возможными заговорщиками. Пусть так, хотя мне в это не верится, но к 1949-му такое подозрение уж никак не приспособить.

Тогда что же? Враг внешний был, «холодная война» разгоралась. И вот снова потребовались заявления о враге внутреннем, о его кознях...

Не буду гадать о выходках и устремлениях сталинизма, искать их логическое обоснование можно бесконечно.

Я ведь просто рассказываю о том, что видел.

Марк Григорьевич Качурин — он тоже был тогда студентом Ленинградского университета (потом стал профессором-литературоведом) — вспоминал так:

Рубеж сороковых-пятидесятых
Я не забуду, доживу хоть до ста.
Эпоха книг и авторов изъятых.
Эпоха выдвижения прохвостов.

¹¹ Александров Д. А., Головач О. Н., Васильев Ю. А., Чернобаев А. А. Руководители комсомола и «Ленинградское дело». 1949–1950 гг. «Отменить постановление пленума ЦК ВЛКСМ... как неправильное». — Исторический архив, № 5. М., 2018, с. 71–72.

Так что в 1949 г. мы видели резкое усиление тенденций 1946—1948 гг., разгрома важнейших областей культуры и науки. Но с начала 1949 г. до начала 1953-го шла, все нарастая, политика для нас, студентов, еще менее понятная, совсем уже для нас необъяснимая.

Это было время тревожных ожиданий. «Холодная война» с Западом становилась все опасней. А в государствах Восточной и Центральной Европы, где после Второй мировой войны были установлены просоветские режимы, Сталин летом и осенью 1952-го менял поставленных им же руководителей. Их репрессировали, расстреливали. Это привело к осложнению ситуации во всем «социалистическом лагере». А с Югославией, где в первые послевоенные годы режим тоже был просоветским, отношения у СССР настолько ухудшились, что в 1948-м были разорваны даже дипломатические отношения.

Мы, ленинградцы, пережившие войну, блокаду и голод, привыкли внимательно следить, как действия советских властей за рубежом влекут перемены политики внутри СССР.

В октябре 1952-го после многолетнего перерыва состоялся очередной XIX съезд компартии. Съезд поменял название партии: вместо ВКП(б) стала КПСС. Руководящий орган Политбюро стал Президиумом. И нововведение. Оно не предусматривалось уставом компартии, и потому казалось особенно важным: в Президиуме создавали Бюро — самый руководящий орган в СССР. В Бюро вошли всего пять человек: Сталин, Маленков, Берия, Булганин, Хрущев.

Все мы сразу обратили внимание, что там не было Молотова и Микояна, старейших спутников Сталина.

И сразу же пошел слух, что Сталин на Пленуме ЦК КПСС как-то нехорошо высказался о Молотове и Микояне. Значит, что-то с ними сделают. И другой слух, что жена Молотова арестована и сидит то ли в тюрьме, то ли в лагере.

Я и мои друзья на истфаке пытались понять: к чему ведут эти перемены? Как они скажутся на нашей судьбе. Мы ведь весной 1953-го должны были закончить учебу и получить распределение на работу. Куда нас пошлют, что поручат делать?

Ответом на наши недоумения стала, как и в 1949 г., публикация в газете «Правда». В 1949-м 28 января говорилось о «космополитах» и «преклонении перед Западом». В 1953-м 13 января — речь шла о врачах, «убийцах в белых халатах», которые якобы покушались на жизни руководителей КПСС. Если в январе 1949-го был лишь намек, пусть и весьма прозрачный, что «космополиты» — зачастую евреи, то в январе 1953-го еврейское происхождение врачей-убийц звучало вполне явно.

Евреи, конечно, поняли что ничего хорошего их не ждет. Разумеется, нашлись такие неевреи, которые обрадовались: будут гнать евреев и освободятся какие-то должности. Но в большинстве своем отечественная интеллигенция вряд ли радовалась. Понимали, что идет «завинчивание гаек», а оно, как правило, не ограничивается притеснением только одной национальности.

Пошли новые увольнения евреев. Мы в университете это сразу увидели.

Возник и быстро распространился слух, что евреев будут выселять в Сибирь или на Дальний Восток. Что оправдание этому уже придумали: правительство, якобы, спасает евреев от народного гнева, вызванного их поведением. Говорили, что уже готовятся эшелоны для высылки в дальние края. Одним словом, евреям, якобы, уготовили участь немцев Поволжья, сосланных в 1941-м, и народов Кавказа и Крыма, сосланных в 1944-м.

Но если такой план и был, можно сказать лишь одно: не успели. 5 марта не стало Сталина — а вся эта расправа, как и многие другие, была его детищем.

И вот, о чудо, действия властей изменились!

Уже 3 апреля Президиум ЦК КПСС принял решение о реабилитации и освобождении лиц, арестованных по «делу о врачах-вредителях».

На следующий день МВД СССР официально объявило о реабилитации всех привлеченных по «делу врачей» в связи с отсутствием состава преступления.

И затем пошли такие решения властей, которых мы никак не ждали. 4 апреля в Министерстве внутренних дел приказ «О запрещении применения к арестованным каких-либо мер принуждения и физического воздействия», подписанный Л. П. Берией.

10 апреля, еще неожиданной для нас, постановление Президиума ЦК КПСС «О нарушениях советских законов бывшими министерствами госбезопасности СССР и Грузинской ССР». Могли мы себе представить, что министерство госбезопасности осудят! А речь, в сущности, шла и о большем: отменялись постановления ЦК партии, на основании которых и действовало министерство госбезопасности. Это были постановления от 9 ноября 1951 г. и 27 марта 1952 г. о якобы вскрытой в Грузии мингрельской националистической организации.

Того же 10 апреля еще одно постановление Президиума ЦК КПСС — одобрение мер по вскрытию преступных действий министерства госбезопасности СССР и по укреплению законности! Эти меры проводило министерство внутренних дел.

15 апреля — постановление Президиума ЦК КПСС «О пересмотре судебных приговоров на осужденных к лишению свободы иностранцев».

И осуждение доносов! 9 мая в постановлении Президиума ЦК КПСС «Об отношении к анонимным заявлениям» признана «порочной» практика отношения к анонимкам, как к документам, заслуживающим доверия. А ведь давно уже принято было считать, и не без оснований, что доносительство поощряется властями.

Еще более важное постановление об упразднении Особого совещания при Министерстве внутренних дел и таких внесудебных органов, как «тройки» и «пятерки», которые по слухам осудили почти полмиллиона человек.

... Конечно, отнюдь не все эти постановления и приказы были тогда опубликованы, преданы гласности. Но тайное, как известно, зачастую становится явным. Пусть и не сразу. А если сразу, то с неопределенностями, неточностями. И что-то оставалось неясным очень долго.

Официально объявлялось, что Л. П. Берия и шесть других руководителей органов госбезопасности были приговорены к смертной казни 23 декабря. Но до сих пор живы сомнения: не был ли Берия на самом деле казнен 26 июня, сразу после его ареста, или в самые ближайшие дни.

Шли бесконечные домыслы о судьбе С. М. Михоэлса, актера, режиссера. Руководитель Московского государственного еврейского театра и созданного во время войны Еврейского антифашистского комитета. Во время войны он ездил в США, Канаду, Великобританию и Мексику, чтобы собирать у тамошних евреев деньги для поддержки военных действий Советского Союза. Зачем было его убивать в январе 1948-го? Убить тайно, скрытно. Потом проехать тяжелым грузовиком по его труп, чтобы создалось впечатление, что его убил грузовик.

Сотрудников МГБ, которые убили Михоэлса, наградили орденами и медалями. И все это делалось по личному заданию Сталина — так свидетельствовал В. С. Абакумов, бывший министр госбезопасности.

В начале 1953-го, с провозглашением дела «врачей-вредителей», Михоэлса объявили участником их заговора. Через несколько недель, после смерти Сталина, эти обвинения сняли. А у убийц Михоэлса отобрали ордена и медали.

Зачем Сталину нужно было это убийство и столь сложная инсценировка? Логику в этом найти трудно. Ну а в других сталинских преступлениях легко?

Судьба Михоэлса, с какими бы тайнами она ни была связана, все же привлекла куда меньше внимания, чем арест Л. П. Берии. И меньше внимания, чем восстановление М. М. Зощенко в Союзе писателей.

Куда важнее было освобождение из лагерей и тюрем более миллиона заключенных, проведенное по указу Президиума Верховного Совета от 27 марта, через считанные дни после смерти Сталина. А всего, считали тогда, что за 1953 г. освободили более половины из двух с половиной миллионов заключенных.

* * *

Все это вместе взятое ярко показывало нам тогда, и показывает теперь начало очередного поворота в истории нашей страны.

Но все это, мне кажется, порядком подзабыто. Не подзабыто ли и тогдашнее стремление укрепить сельское хозяйство? Ведь приняты были постановления «О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР», «Об изменении практики планирования сельского хозяйства». О повышении закупочных цен, об уменьшении обязательных поставок продукции колхозов государству, о снижении их размера, об увеличении размеров приусадебных участков колхозников, о списании с колхозов недоимок по сельхозналогу...

Конечно, дистанция от этих намерений до их выполнения оказалась огромной, задача крайне сложной, трудно преодолимой. И все же само провозглашение таких намерений означало заметный отход от политики «завинчивания гаек».

Все это вызвало у нас тогда надежду, что власть хоть как-то сойдет с того послевоенного курса, который был провозглашен идеологическими постановлениями 1946—1948 гг., и резко усилен действиями 1949 г. и начала 1953-го.

И власть, наконец, осознала пагубность таких сталинских надуманных действий, как лютое преследование так называемых «космополитов», «врачей-убийц», «преклоняющихся перед иностранщиной»...

Так возникал период, который вошел в историю нашей страны как «оттепель». Хотя на рубеже 1940—1950-х его появление казалось невероятным.